

Алина Витухновская – человек известный не только стихами, желающие могут найти множество статей про неё, благо интернет позволяет. Но мы говорим именно о стихах, и тут мнения критиков весьма разнообразны. Это и «видение абсолютного Ничто с домысливанием остального мира», и «подожжённый абсент» и «космический корабль» и «чудовищный парк аттракционов» и т.д., и т.п. Все эти определения напоминают чаньский коан, понять смысл которого можно только одним способом: открыть тексты Алины и прочесть их самому.

Д. Л.

КЛОУН

(с картины Миши Адианова)

1

Лестница, лошадь, холод, прогулки по выходным,
Люди с плавными лицами, сидящие на скамейках,
Сами скамейки, город и то, что за ним –
Не столько следствия жизни, сколько причины смерти.
В крупном камне, в солнце, в земле, в руках
Часто скрывается гибель. На белом фоне,

Выходя из дома, любое тело выглядит так,
Как последний звук издёрганного саксофона.

И, ловя глазами его предел,
Не различить секунды, но время уже пробило.
И за ним сквозь рощу домов редел
Скользкий шепот отъезжающего автомобиля

Происшедшему свойственен запах слёз
И закусочка, тень безбудущности на вещах,
Ночная бабочка, севшая на вопрос
Голой вешалки, недождавшей плаща.

Там с другой стороны, в тьме её крыла
С подвижностью, выдающей нервность, ветхость –
Уродство – обратность тому, чем она была
Со стороны привычной (то есть верхней).

2

По утрамуползает в дверную щель
Неизвестность, щадящая ваши нервы.
Самолёт уходит за параллель
Восприятия. Глаз не приемлет его маневры.

Идущему в эту сторону не стоит кричать: «Не в ту!»
Задуманное происходит, не имея ввиду препятствий.
Тело, набравшее высоту
Трясёт опасением возвращаться

И тогда уже не сказать «Не надо».
И пугливое «Нет» будет похоже на хворост,
Который станет плавно и метко падать
В пламя, в котором сгорает голос.

3

Опасайся моря. Когда на палубе тень
И жарой пропитана толща лени,
Всё кончается штормом. Утром вниз повисает день,
Немеют ноги и стулья падают на колени.

И, как будто прощаясь, взмахнёт рукой
Человек в лучах предпоследнего света.
Зелень моря, ненадёжный его покой
Только безумным напоминают лето.

Жизнь равна непредвиденному. Отнимая
от равенства бег
По кругу в надежде его начала,
Отнимая прошлое, получается человек,
Лишенный опоры берега и причала.

Запивая волной несъедобный страх,
Неизвестный суше, что он покинул,
Человек на всех своих парусах
Притяженья стремится к морским глубинам.

И, едва успеешь его позвать
(Или просто подумать), сползёт туда же
Отблеск солнца, приученный восполнять
Недостаточность пейзажа.

4

Нежданную месть, увы, не переходят вброд.
Знаки, слова, многоточья всплывают из чашки кровью.
Застывает дуплом на растении тела рот
Навсегда ошарашенный утренним кофе. Бровью

Не повести. Не убежать назад.
Воздух стекает за грань предметов.
Наступает вечер, поскольку ничьи глаза
Не могут больше смотреть на это.

5

Некто, выдумавший игру,
Станет играть до конца.
Дверной глазок в чёрной маске рук –
Шутка его гонца.

Им продолжается время. Причём
Почти незаметно то,
Как он выкручивается нулём,
Умножив себя на сто.

Осечка, скука, затянутость сцен
Не в правилах этой игры.
Земля с несытостью на лице
Лелеет его дары.

Он долго будет считать до пяти.
Завяжет глаза. Но брось,
Ты создан чтоб он смог тебя найти
И вслепую знаком насквозь

6

Как неуместен бывает вопрос
Такой как «Причем здесь я?»
Неуместно думать, что это не он,
А море, война, змея,

Обстоятельства (случившаяся беда
Необязательна посему).
Но все они плавно текут туда,
Куда и время – к нему.

Зарождение жизни, её глупая ночь,
Вся её шелуха.
Поправимы как всё, что стремится прочь,
Явившись из пустяка.

Изменимы, зависимы от
Погоды, письма, звонка.
И только то, что задумал он,
Случится наверняка.

7

Неведомый, даже живя в мозгу,
Он оставляет следы –

Спички на полусгоревшем мосту,
Акулу в зрачках воды.

Человек похож на брезгливость к другим.
Птица – на стаю мух.
Страх в тишине одиноких зим
Напоминает стук.

Смотрящий в воду похож на стон,
Звуки свои дробя,
Ускользящий в вечер. И только он –
На самого себя.

8

Сквозь мёртвый воздух на красный плед
Голос течёт навзрыд.
Снимите с полузакрытых век
Тяжесть пустых молитв.

Тот, к кому обращён их пыл,
Был без конца чужим.
Понимал вас (попробуй сказать «Любил»)
Тот, кто не внемлет им.

9

Предвидящим – знаки на потолке,
Заразу в подножье трав.
Боящимся – острый кинжал в руке.
(Погибнув его не сжав).

Знающим – пошлость цветов на гроб.
Песню за сто рублей
Для двух музыкантов (хватит денег – для трёх)
Выжмите в уши дней.

Сумасшедшим – намёки дрожащих ламп,
На двоих бесполезный стол.
Пространство – спотыкающимся глазам,
Колениам – холодный пол.

Тому кто вскрикнул – спокойный тост.
Тому кто уснул – кошмар.
Тому кто плачет, тому кто ждёт,
Всем выдан предсмертный дар.

А того, кто о нём усмехнется вскользь
И шутиливо тряхнёт плечом,
Неизбежный клоун проткнёт насквозь
Своим бутафорским мечом.

МЁРТВЫЕ РЫБЫ

В этот город, смотри, мы уже приезжали.
В этот город, смотри, мы уже возвращались обратно.
Помнишь, эту же рыбу мы ели?
Хрупкокосточки рыбки вот так же хрустели.
Помнишь, эту же рыбу мы ели когда-то?
Эту рыбу, смотри, мы уже узнавали.

Эту рыбу, смотри, мы когда-то уже узнавали.
И с большими глазами вот так же она не смотрела.
И молчала та рыба как рыба, как каждая рыба умела,
Как умеют все рыбы, как каждая рыба молчала.

Как умеют все рыбы, как каждая рыба молчала.
Ей «Алло!» в телефон вы кричите смешно и напрасно.
И зелёная рыба тогда притворяется красной.
А на вкус вы подлог ощутите едва ли.

Было слово в конце, а в начале молчание рыб.
Да услышит его всяк имеющий уши.
Океан онемевший, себя превращающий в сушу,
Называет кровавой рекой, образуя нарыв.

Полюс севера лопнул. Все реки на север текут.
Север юга. Северюга проносится мимо.
Все дороги ведут и выводят из Рима.
И голодные рыбы по мёртвому морю плывут.

ДВА ШАГА ДО БЕЗУМИЯ

Два шага до безумия,
Где когти скрипнут нежные,
Где катятся беззубые
Колёса солнц отверженных,

Где запирают в комнатах
И думают, что спрятали,
Где все черты знакомые
Скрывают маски ряженных.

Меня казнят без следствия.
И злые не спасут меня
И сохранят последние
Два шага до безумия.

Два шага до безумия,
Где призраки повешенных,
Где катятся беззубые
Колёса солнц отверженных.

А глазки Наблюдателя
Приклеены в расщелину
Стены. Молчи, пока тебя
Не сдали в обращение.

Сиди. Вонзись в сиденье.
Прорви собой бесшумное.
А от ночного бдения
Два шага до безумия.

Ночное недержание.
Отчётности. Протечности.
Мы выспимся на ржавеньком
Шкафу у бесконечности.

Мы повисим, усталые.
И ты расправишь плечики,
И улыбнёшься: «Мало ли,
Зачем нас здесь повесили...»

МЫШЬ

Там, где у мышки кончаются мышцы
(Физиология то есть), там где ветхий умишко
Прекращается, где тяжелеют мысли,
Обручѣнные с сущностью за неимением смысла
(Скорее как рифмы, нежели некой грани,
О которой поздно больней чем рано
Размышлять), там мышке сыро и странно,
Скучно и холодно. Страшно. Длиной дивана
Измеряется зрение. Не в том ли будущее обозримо,
Что оно числительно-
Е
И делимо
На два, которое или-или,
То есть снова один, единица,
То, о чём позабыли
Там, в темноте, опровергнув бодрую мышеловкость
Грядущим хрустнула мышеловка.

ЧТОБЫ ДЕТИ, ЖИЗНЬЮ ЗЛЫЕ...

Летость стар моих уныла.
Слабы крючья давних ног.
Морщь сухая изощрила
Тело вдоль и поперѣк.

Вдоволь высмеялись птицы,
Заглянув в моѣ окно.
Плакать или восхититься?
Каркнул Ворон: «Всѣ равно».

Письма с фронта в рот почтовый
Червячково уползут,
И замок его дешѣвый
Зубы белые сомкнут.

Бусы белые больные
Больно вырвет умный врач,
Чтобы дети, жизнью злые,
Как в меня, играли в мяч.

Кто ты, умер или злишься,
Ленинградский почтальон?
И зачем в окно стучишься,
Если дом давно снесён?

ПАУК ГРИША

Заведи себе паука,
Назови его просто Гришей,
Носи его на руках
До самой смерти в Париже.

... Увидеть и умереть ...
... И умереть в Париже ...
Как чистоplotна смерть
Насекомого Гриши!

Так тебе не дано,
По причине размера,
Превратиться в пятно
После нестрашной смерти.

Светлана Кочергина. Из серии «Карантинные цветы».
Холст, масло, 50X60.